

Литературная Страница

Все это началось довольно нелепо.

Генка, мой дружок, начал захлебываться и кричать: «Помогите!». А я сидел в лодке и удил рыбу. Ну, конечно, подплываю к нему, а он в этот момент: — «Буль, буль, буль», — и пошел ко дну. Нырнул и я. Вижу, Генка лежит на каком-то бугре. Я его за волосы, оттолкнулся об илистое дно и вверх. Тут у меня из-под ноги что-то сверкнуло, но разглядывать было некогда. Приволок я Генку на берег, сделал искусственное дыхание, а когда он открыл глаза, я в речку — прыг! — и поплыл к тому месту. Выудил это «что-то» и назад. Генка уже очухался, сидит, покуривает. Я обмыл на берегу свою находку, и в руках моих оказался маленький башмак с медным каблучком. Размера этак 34—35-го.

— Генка! — кричу, — смотри, что я нашел! Детский башмак! Давай покажем археологам?

— Давай, — согласился Ген-

ка, и мы пошли к ним.

А они жили тут же на берегу Волги в палатках и выкапывали «паузок», лодка по-нашему, только старинная.

— Эге, да ведь это башмак! — сказал бородатый дядя-археолог.

— Ага, — подтвердили мы, — с медным каблучком!

Бородатый дядя вытащил из парусиновых трусов складной нож, открыл лезвие и поцарапал им медяшку.

— Не медный, а позолоченный, — сказал он и с интересом посмотрел на нас, — где вы его нашли?

— А вот здесь, на дне, идемте, покажем...

— Минуточку! — ответил он, и скрылся в палатке. Через минуту появился с ластами и маской в руках. Мы загорали

на песке, а дядя нырял. Потом пришел еще один бородатый дядя в трусах и тетя в брюках. Они взяли лодку и поплыли туда, где нырял бородатый дядя. Два дяди стали прыгать в воду, а тетя принимала от них что-то и складывала на дно лодки. Мы так накупались, ожидая их, что сначала посинели, а потом позеленели и стали похожи на лягушек с пупыршками. Наконец археологи вернулись. Первый бородатый дядя взял что-то круглое и ушел в палатку. А второй бородатый дядя и тетя начали раскладывать на песке какие-то кости и вскоре получили скелет.

— Удивительно просто, до чего прекрасно сохранился этот скелет! — сказала тетя.

— Угу, — ответил дядя, —

А. НИКИТИН

ЛЮБИШЬ МЕНЯ, ЗЕЙНЕБ?

между прочим, скелет принадлежит женщине и, очевидно, очень молодой.

В это время из палатки вылез первый дядя и сказал:

— Я обработал череп по методу антрополога Герасимова и у меня получаются типично выраженные черты персиянки, очень молодой и благородного происхождения.

— Эврика! — воскликнула тетя и стукнула себя ладошкой по лбу, — я знаю, кто она!

— Кто? — спросили бородатые дяди. А тетя вместо ответа вдруг запела:

«Из-за острова на стрежень, На простор речной волны Выплывают расписные Стеньки Разина челны...»

Дяди затанцевали, как молодые лошади, и подхватили песню откуда-то с середины:

«И за борт ее бросает В набежавшую волну...»

— Ясно! — закричал Генка, — это же княжна, персиянка атамана Стеньки Разина, которую он взял в плен, когда делал набег на Персию, я читал в книжке. Он ее спрашивает: «Ярата син, Зейнеб?» — это значит — любишь меня, — по-русски, а она отвечает: «Ни...» т. е. нет, он тогда схватил ее и бросил в речку, а один башмак упал в лодку, а...

А я лежал и думал: Шлиман откопал Трою, поверив легенде, польские археологи нашли древнейший город согласно описанному преданию, египтолог профессор В. Эмери раскопал древний храм, поверив найденным папирусам, и надеется еще откопать гробницу зодчего Имхотепа, а я вот, ввиду того, что не умею ничего найти, взял и написал пародию...

А. может быть, и не пародия?

Ю. КОСТАРЕВ

В ЮНОСТИ

А есть простая радость — танцевать. Потом — натащавшись до упаду — кого-то, задыхаясь, целовать, — и слышать ошалелое «не надо». Ах, танцы заполонили на «пятак», и небо в звездах, и в пожаре губы... Поди теперь, признай в том дурачке

себя теперешнего... Юность прет на убыль. А этого не знаешь никогда: что вот сейчас в последний раз танцуешь, что девушка, которую целуешь, не вдруг и не тебе ответит: Да. Но все равно: в пожаре звездном небо. И в сердце разгорается пожар. И надо лбом девушки светлым нимбом сияет свет. И кружится Земшар.

Г. УСТИНОВА

ПРО КОНЯ

В день рождения Иосифа Михайловича в числе прочих подарков ему был преподнесен необыкновенной величины и раскраски гипсовый конь. Своими мощными ногами с непомерной величины бабками конь дерзко попирает ярко-зеленую дощечку, изображающую, в видимом, травку. Почти человеческие глаза его с нарисованными ресницами были задумчиво устремлены к переносице. Это произведение бездарного искусства нагло вселялось в квартиру всеми уважаемого инженера на пенсии Иосифа Михайловича Клевкина и застряло между торшером и диван-кроватью. Среди современной изящной мебели оно казалось чудовищным памятником пошлости. Иосиф Михайлович подолгу стоял у этого творения, дергал его за мочалочный хвост, глядясь в задумчивые лошадиные глаза. От коня исходил запах глины и свежей краски. Запах глины, знакомый еще с войны, всю ночь витал в комнате, и Иосифу Михайловичу снилось, будто сидит он в глиняной мазанке, а кругом ухают взрывы и дрожит земля.

Иосиф Михайлович в молодости был лихим наездником. Всю войну он провел на коне. Сослуживцы знали его слабость к коням.

Теперь Иосиф Михайлович, поглядывая на коня, недоумевал: кто это так неумело и зло подшутил над ним. При виде этого страшилища в памяти неизменно всплывали строчки: «чудище обло, озорно, стозевно и лайя».

Иосиф Михайлович отходил от коня и прикрывался газетой.

Конь решительно не уживался в большой коммунальной квартире Иосифа Михайловича Клевкина. И Иосиф Михайлович решил на простой и мудрый шаг.

Тетя Нюра придирчиво осматривала коня и сказала, сильно окая:

— Чтой-то больно страшной конь-то... Куда его девать? Разве

што у двери посадить, пушай ла-ет.

Тетя Нюра не была лишена чувства юмора. Она ушла, унося с собой злополучную игрушку.

Иосиф Михайлович, довольно вздохнув, запер дверь и открыл форточки. В эту ночь он спал тихо и блаженно, как младенец. И снились ему маленькие шустренькие белки, которые доверчиво сажались к нему на плечи.

Наутро в дверь кто-то постучал. У Иосифа Михайловича в испуге екнуло сердце. «Неужели назад принесли?» — подумал он и открыл дверь. На пороге стоял тети-Нюрин рыжий, лохматый сын Вовик. Улыбка разогнала все вошкины веснушки. В руках он держал коня.

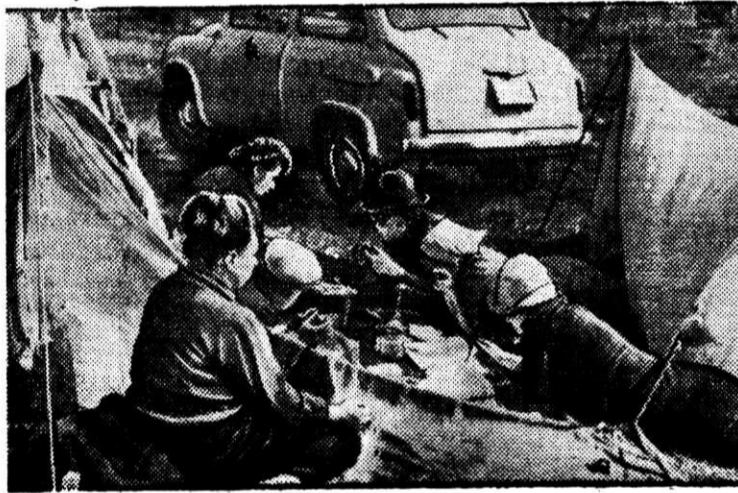
Вовик сделал большие глаза и умоляюще прошептал:

— Вы за хвост, за хвост, дерните... Мы случайно потянули, а он — вот, смотрите! — Вовка дернул коня за мочалочный хвост, и конь раскрылся на две половинки, как скрипичный футляр. Внутри оказался маленький литой блестящий конек. Его серебряные копыта отсвечивали в свете электролампочки. В изящной спине и бедрах отражалась счастливая вошкина физиономия. Ушки прямые, как у овчарки, сторожко стояли на голове. Казалось, конь сейчас топнет ножкой и убежит.

— А мы потянули его, а он раскрылся, а мамка говорит: неси его профессору, а то вдруг он серебряный...

Иосиф Михайлович не слушал вошкиных слов. Он вдруг отчетливо увидел, как на юбилее, в тот момент, когда вручались подарки, кто-то из сослуживцев, стараясь перебить шум и крики поздравлений, говорил, жестикулируя: «Вы его за хвост, за хвост сильнее дерните...»

Изящный серебряный конек, круто изогнув шею, смотрел на Иосифа Михайловича умным и слегка насмешливым взглядом.

За городом.

Фото В. Лоскутова.

В. ПЕТРЕНКО

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Словно пуля, сорвавшись с резинки, острием — римской цифройю пять — впился в небо косяк лебединый: Вслед осталось рукою помахать. Улетайте, друзья, улетайте. Вам не нужно ни денег, ни виз. И гостиниц не нужно. Устанете — заскользите кругами вниз. Не ищите их! Зря суетитесь. Спрятав перья от жадных глаз,

в гущу леса статные принцы, вас завидев, — уходят от вас. А под утро опять крылатые, на своем бесконечном пути, чтоб скорее вернуться к закату и успеть от рассвета уйти... Так и будут они в оперенье. Гордых принцев увидит лишь тот, кто однажды набравшись терпенья из крапивы им платье соткет.

Сам себя я на руках ношу, Вовремя укладываю спать, Поведением своим руковожу отвожу себя я в детский сад.

Год за годом будет все трудней над собою мне держать начало... Так всегда, когда растим детей, кажется, живем как бы сначала.

Цеховая столовая приобрела мясорубку с электрическим приводом. Зав. столовой просит цехового электрика:

— Подведи ток к электромясорубке.

— Можно, — сказал электрик, — но просите старшего электрика цеха, чтобы дал провод и пусковую аппаратуру.

— Нужен проект, — заявил старший электрик.

— По проекту или без проекта, мясорубку надо запустить силами цеха, — заявил начальник обцепита начальнику цеха.

— Заказать проект! — потребовал начальник цеха.

Ю. ПЕСТРОВ МЯСОРУБКА Юмореска

Пришел заказ на проектирование в конструкторский отдел. Далее по служебной лестнице: от главного конструктора к начальнику сектора, от начальника сектора к бригадиру, от бригадира к конструктору.

Конструктор к старшему электрику цеха: — Делайте без проекта. Дело пустяковое.

— Не могу. Электроустановка. Кабы чего не вышло...

Идет конструктор в столовую:

— В каком месте будете мясорубку ставить?

— Вот в этом проектенке — показывает зав. столовой

Идет конструктор в технический архив. Ищет чертежи столовой.

На плане, в указанном месте, надо начертить кружок, означающий мясорубку, квадратик — пускатель, прямую линию — проводку.

Вычертили. Скопировали. Сняли синьки. Отослали в цех.

— Освободите место. Буду монтировать мясорубку, — потребовал электрик от зав. производством.

— Возражаю. Мясорубка здесь не у места. Будет мешать. Ставьте в левом углу, — заявил зав. производством.

— В углу, так в углу — сказал электрик. — Провода меньше потребуются.

Закончил монтаж. Опробовал. Собрал инструмент. Вытер руки чертёжом.

Оригинальный чертеж долгие годы будет храниться в техническом архиве.

Как видите, нужны были электрик и зав. производством.

Остальные участники не требовались.

Но без них не было бы этой истории.

Р. ДЫШАЛЕНКОВА

СОНЕТ

Что греха таить? Мне все равно: Быть с тобой или любить другого. Если лжет мне снова, лжет мне снова Самое заветное окно. Лгут ключи оставленной квартиры, Открывая женщине другой Тайну мною созданного мира, Проданного лживою рукой. Продано. Растоптано. Расчато. Что мне стен и пола чистый блеск! Лесом рождена, бегу я в лес, — Деревенский, искренний, понятный... Только камень преткновенья снова: Где же здесь, в лесу, мне взять другого? И зачем он мне?

Л. ЧЕРНЫШОВ

РУЧЕЙ

У ручья прозрачная душа. Словно с кем-то в беге соревнуюсь, Он бежит, от счастья чуть дыша И по-человечески волнуясь. Позади остались тополя... А его куда-то вдалеке манит. Силы придает ему земля: Потому бежать он не устанет.